

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кизима, С. А.** Внешняя политика Республики Беларусь / С. А. Кизима, А. Л. Шевцова. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2020. – 150 с.
2. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [Электронный ресурс]: пер. с англ. / Д. Белл. – Москва : Academia, 2004. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/1805599/page:3/>. – Дата доступа: 23.10.2022.
3. **Тоффлер, Э.** Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва: АСТ, 1999. – 784 с.
4. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. / М. Кастельс. – Москва: ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. **Пригожин, И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. – 4-е изд., стер. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 312 с.

УДК 94(47+571)«1945/1953»

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЛОББИЗМ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ:
МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ (НА МАТЕРИАЛАХ РСФСР)

А. Б. КОНОВАЛОВ

Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

Период «позднего сталинизма» (1945–1953) в историографии рассматривается как время противоречивых изменений в системе и структуре политической власти. С одной стороны, высшее руководство страны во главе с И. В. Сталиным наметило пути ужесточения контроля за региональной номенклатурой (сохранились, например, проекты создания межрегиональных бюро ЦК партии), с другой стороны, сложившийся механизм подготовки решений по вопросам социально-экономического развития территорий обострял конкуренцию и конфликты между первыми секретарями крайкомов и обкомов ВКП(б). Неформальные отношения в системе власти начали складываться еще в довоенный период. Их смысл состоял в преодолении многочисленных противоречий чрезвычайной централизации и планово-распределительной системы, что позволяло в конечном счете повысить ее гибкость и эффективность.

Рядом исследователей отмечается наличие признаков регионального и отраслевого лоббизма: на центры принятия решений оказывали влияние как народные комиссары (министры), так и руководители научных учреждений, депутаты Верховного Совета СССР. Со стороны партийно-советских руководителей регионов в аппарат ЦК ВКП(б), Госплан СССР, Совет Министров СССР направлялись многочисленные записки, в которых выражались просьбы о строительстве объектов социально-культурного назначения, организации новых промышленных предприятий, перераспределении трудовых ресурсов. Поставленные перед Центром вопросы редко решались с первого раза. Для принятия положительных решений требовалось не только представить необходимую ар-

гументацию и финансово-экономические обоснования, но и заручиться поддержкой секретарей ЦК ВКП(б), руководителей министерств и ведомств.

Важным вопросом в историографии остается проблема соотношения статусов и институтов региональной власти в системе принятия решений: в частности, возникают дискуссии о том, какие инстанции обеспечивали прохождение просьб и выделение необходимых ресурсов в союзно-республиканских органах. Анализ многочисленных архивных документов показывает, что большинство вопросов стратегического развития территорий решалось с помощью лоббистских усилий первых секретарей краевых и областных комитетов партии. Вместе с тем на уровне центрального руководства однозначно оценить властный потенциал конкретных должностных лиц в послевоенное время затруднительно. Несмотря на функционирование в ЦК партии кураторов территорий, в основном партийный аппарат занимался кадровыми и идеологическими вопросами. Проблемы обороны, промышленности, сельского хозяйства, транспорта, финансов, торговли рассматривались в соответствующих бюро Совета Министров СССР [7, с. 74]. О наличии механизма сдержек и противовесов между партийными и советскими органами на уровне регионов послевоенного периода свидетельствует практика ассигнований на выплату временных денежных довольствий – эти средства проходили через счета региональных исполкомов Советов депутатов трудящихся. (По поводу включения в список на выплату работников партийного аппарата первый секретарь обкома партии обращался с письмом к председателю исполкома) [6, с. 168].

Однако в процессе принятия важнейших решений по стратегическим вопросам развития территорий определяющая роль партийного руководителя не вызывает сомнений. Существовала практика обходов региональными руководителями секретарей ЦК ВКП(б), руководящих работников аппарата Совета Министров СССР с целью скорейшего принятия партийно-правительственных постановлений. По сохранившимся справкам о поездках в Москву первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) М. В. Кулагина видно, что за одну командировку региональный лидер мог посетить 5–10 высших руководителей и решить принципиальные вопросы перспективного народно-хозяйственного планирования [5, с. 182].

Во время сессий Верховного Совета СССР первые секретари крайкомов и обкомов ВКП(б), ряд председателей край- и облисполкомов (не все из них избирались депутатами) использовали возможности для непосредственных бесед с министрами ведущих отраслей, предприятия которых находились в регионах. Региональными лидерами ставились вопросы увеличения капиталовложений на строительство ведомственного жилья, реализацию программ природоохранных предприятий, расширение номенклатуры выпускаемой продукции. И нередко отраслевые министры согласовывали проекты решений в пользу конкретных ходатаев. В послевоенное время система власти на уровне ЦК партии пыталась противодействовать сложившимся практикам: развитие «местничества»,

формирование регионально-отраслевых союзов пытались блокировать «кадровыми перебросками». Первые секретари большинства краевых и областных комитетов ВКП(б) каждые 3–4 года перемещались на новые должности [5, с. 564–635; 9, с. 261].

Противодействие региональному лоббизму наблюдалось и со стороны Госплана СССР. В процессе принятия положительных решений по предложенным инициативам региональным руководителям требовалось заручиться поддержкой руководства Госплана СССР, которое стремилось выдавать экспертные заключения с учетом объективных обстоятельств. Данное ведомство не только занималось разработкой стратегии народного хозяйства, но и выполняло функцию согласования интересов министерств, служило институтом экспертной оценки потенциала отраслевых структур советской экономики с точки зрения их возможности реализовывать плановые директивы [2, с. 221].

Однако первые секретари крайкомов и обкомов партии в союзе с отраслевыми министрами воздействовали на руководителей отделов Госплана, что могло породить межведомственные и межрегиональные конфликты. По мнению А. В. Захарченко, межведомственные конфликты имели двухуровневую вертикальную структуру. Центральный уровень был представлен наркоматами/министерствами, правительством и Госпланом, региональный уровень – предприятиями, представлявшими интересы хозяйственных ведомств, и местными партийными структурами [4, с. 116]. Вместе с тем партийные органы нередко становились медиаторами в межведомственных спорах, возникавших по поводу размещения заказов, отгрузки продукции потребителям, размещении цехов заводов.

Как отмечает самарский исследователь А. В. Захарченко, «плановики» находились под систематическим давлением со стороны «производственников» – наркоматов/министерств, выражавших несогласие с перераспределением фондов, оборудования, увеличением заданий по выпуску гражданской продукции [1, с. 46]. Столкновение интересов между центральным органом планирования и хозяйственными ведомствами заключалось прежде всего в функциональной специфике: Госплан стремился к составлению сбалансированного плана и распределял ресурсы и хозяйственные обязательства между наркоматами/министерствами. Последние склонны были предлагать более низкие цифры роста производственных показателей и завышенные объемы ресурсов на выполнение планов [1, с. 47].

А. В. Захарченко также поясняет, что ограниченность ресурсов для решения текущих экономических задач, издержки администрирования (бюрократизм, недостаточная исполнительская дисциплина) вынуждали исполнителей действовать в «ручном режиме» – постоянно «лоббировать» свои интересы в рамках уже согласованного плана и распределенных обязательств. Такое поведение формировало определенные способы взаимодействия внутри звеньев системы (министерства, региональные партийные комитеты, главки, тресты,

предприятия, снабженческие организации), при которых директива не принималась к исполнению без межведомственных согласований [3, с. 83].

Региональный лоббизм в послевоенные годы свидетельствует о наличии в системе власти и центр-региональных отношений целого ряда противоречий. Демилитаризация экономики и резкое снижение необходимости в мобилизационном режиме активизировали местнические настроения в среде партийно-советских руководителей краев и областей. Появляются новые формы воздействия на центры принятия решений, которые были связаны с заключением неформальных соглашений между региональными лидерами и отраслевыми министрами. Вместе с тем обострение межрегиональной и межотраслевой конкуренции в послевоенные годы вполне успешно блокировалось разветвленной сетью контрольно-надзорных инстанций (Оргбюро, инспекторской группой, кураторами оргинструкторского отдела ЦК партии, отделами Госплана СССР, органами государственной безопасности). Стремление первых секретарей региональных комитетов партии усилить свое влияние на центры принятия решений могло быть прервано в ЦК ВКП(б) после негативной оценки деятельности лидеров территорий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Захарченко, А. В.** Госплан, советский ВПК и хозяйственная элита в системе межведомственных отношений во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.: историография, источники, интерпретация / А. В. Захарченко // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Ист. науки. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 43–50.
2. **Захарченко, А. В.** Министерские разногласия и давление на Госплан в советской экономике в начале 1950-х годов / А. В. Захарченко // Самар. науч. вестн. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 220–224.
3. **Захарченко, А. В.** Ведомственный «лоббизм» в советской экономике: министерства – правительство – Госплан, 1945–1953 гг. (на примере МВД СССР) / А. В. Захарченко // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2016. – Т. 18, № 6. – С. 83–87.
4. **Захарченко, А. В.** «Ведомственный эгоизм»: правительство, Госплан и хозяйственные амбиции агентов советской экономики в использовании труда военнопленных в 1945–1949 гг. / А. В. Захарченко // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2017. – Т. 19, № 3. – С. 116–126.
5. **Коновалов, А. Б.** Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991) / А. Б. Коновалов. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 636 с.
6. **Коновалов, А. Б.** Эволюция системы номенклатурных льгот и привилегий в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) / А. Б. Коновалов // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века: материалы интернет-конф. «Номенклатура в истории советского общества». – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2004. – С. 161–179.
7. **Мохов, В. П.** Региональная политическая элита России (1945–1991 годы) / В. П. Мохов. – Пермь: Кн. изд-во, 2003. – 238 с.
8. **Хлевнюк, О. В.** Центр-региональные отношения в 1930-е годы. Лоббирование и клиентелизм в сталинской системе управления / О. В. Хлевнюк // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Управление (государство и общество). – 2004. – № 3. – С. 79–98.

9. Хлевнюк, О. В. Система Центр – регионы в 1930–1950-е годы. Предпосылки политизации номенклатуры / О. В. Хлевнюк // Cahiers Du Monde Russe. – 2003. – Vol. 44, № 2/3. – P. 253–267.

УДК 94(476)

ОТ ПЕРВОГО ИСКУССТВЕННОГО СПУТНИКА ЗЕМЛИ
К ПРОГРАММЕ «КОМПЛЕКС-СТ»

С. Е. МАКАРОВА

Белорусско-Российский университет
Могилев, Беларусь

Под влиянием начавшейся после Второй мировой войны научно-технической революции (НТР) в СССР началось переосмысление роли научно-технической деятельности. В 50–60-е гг. XX в. основное внимание было сосредоточено на увеличении научно-технического потенциала. В эти годы расходы СССР на науку выросли в 12 раз, численность научно-технических работников составила 25 % от общемирового показателя. Именно в эти годы было сделано 80 % всех научных открытий СССР за все послевоенные годы.

Советские ученые успешно трудились во многих областях, опережая мировую науку. Космонавтика – это область, в которой СССР с самого начала являлся одним из мировых лидеров. К ряду достижений советской и российской космонавтики по праву относится слово «первый».

В середине XX в. дорогу в космос проложил Советский Союз. Началу космической эры предшествовала напряженная и самоотверженная работа нескольких поколений советских ученых, инженеров, конструкторов. Наши земляки, уроженцы Слуцка, непосредственно принимали участие в подготовке и осуществлении космических полетов. Семен Косберг создал для двухступенчатой ракеты-носителя конструкции С. П. Королева третью ступень, которая разогнала аппарат до второй космической скорости. В 1961 г. он стал Героем Социалистического Труда за первый полет гражданина Земли в открытый космос. С 1957 г. Константин Герчик возглавлял важнейшую космическую гавань – Байконур. С 1983 г. по 1989 г. начальником Байконура был еще один уроженец Слуцка – генерал-лейтенант Юрий Жуков [7].

Триумфом советской науки и техники явилось создание под руководством С. П. Королева и М. В. Келдыша первого в мире искусственного спутника Земли. Началом космической эры принято считать 4 октября 1957 г. Газеты сообщали на первых полосах: «В рамках Международного геофизического года в СССР был запущен искусственный спутник Земли». Американская пресса назвала советский спутник «Красной Луной». Спутник был запущен на «воен-